
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

С.М. Кравцов*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

redaction-el@mail.ru

**«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ» ПЕРЕВОДЧИКА (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)****[*Kravtsov S.* «False friends» of the translator
(on material of the Russian and French phraseology)]**

The article considers Russian and French phraseological units with identical plane of expression but different plane of content that makes possible their word-for-word translation from one language into another. Such a possibility determines their wrong perception by an interpreter as interlingual equivalents or synonyms that leads to a non adequate translation. To explain the reasons why semantics of Russian phraseological units mismatches semantics of French phraseological units that have equivalent lexical composition, the article analyzes their inner form and mechanism of its reinterpretation by native speakers of the Russian and French languages.

Key words: phraseological unit, plan of expression, plan of contents, internal form, initial denotation, secondary nomination.

Исследование на межъязыковом уровне фразеологических единиц (ФЕ) с идентичным планом выражения и различным планом содержания представляется весьма актуальным, ибо их знание необходимо для аутентичного владения языком и для правильного поведения в инокультурной среде. Неверная интерпретация подобных фразеологизмов может привести к созданию особого «акцента поведения», который характеризует иностранца не в меньшей мере, чем языковой. Таким образом, при их незнании иностранцем может возникнуть трудность в семасиологическом плане (неправильная интерпретация ФЕ) и ономазиологическом (неуместное употребление или неупотребление их тогда, когда это желательно) [2]. В целях избежания подобных трудностей в акте межкультурной коммуникации следует обращать внимание на факт существования таких ФЕ на межъязыковом уровне при обучении, например, носителей русско-

го языка французскому и наоборот. Необходимо делать акцент на сопоставлении образной составляющей подобных ФЕ, что дает возможность понять причину их семантических различий.

Исследуемый материал показал, что в русской и французской фразеологии можно выделить две группы единиц, при этом внутренняя форма одних совпадает (первая группа), а других не совпадает (вторая группа). В результате анализа обнаруживается, что в их несовпадающих актуальных значениях присутствуют общие компоненты – семы предметно-понятийного или оценочного характера, что объясняется тождеством или определенным соответствием их первоначальных денотатов, которые формируются, как правило, на основе универсальных сущностей. Больше общих сем наблюдается в содержании ФЕ с совпадающим образом.

Рассмотрим русские и французские ФЕ первой группы, характеризующиеся тождеством внутренней формы. Оно обуславливается тем, что все компоненты свободного сочетания слов (ССС), на основе переосмысления которых возникли ФЕ, реализуются в совпадающих в обоих языках значениях. Анализ подобных ФЕ представляет особенный интерес, поскольку на их примере можно четко рассмотреть различие в характере вторичной номинации, т.е. характере переосмысления одних и тех же действий человека по отношению к конкретному объекту картины мира в сознании носителей разных культур и фиксации результата переосмысления в языковой картине мира. Случаи различия в механизме вторичной номинации являются причиной формирования неодинаковых значений у русских и французских ФЕ первой группы. Поскольку процесс переосмысления первоначального денотата, выраженного исходным СССР, непосредственно связан со складом ума, особенностями мировосприятия, а также психологии человека как представителя определенного этноса, целесообразно говорить о факте национальной специфики менталитета, образа мышления. Кроме того, различие в его переосмыслении также может выявлять национальные стереотипы поведения носителей разных культур.

Фразеологизмы *«бросать на ветер»* что {*тратить, расходовать что-либо без всякой пользы, безрассудно, легкомысленно (деньги, имущество, силы)*} и *«jeter qqch au vent»* (*избавляться от чего-либо*) в своем содержании имеют общие понятийные семы («лишать себя» и «навсегда»), появление которых мотивируется общим представлением носителей обеих культур

о способности такой универсальной сущности, как ветер, безвозвратно уносить различные предметы. Кроме этого, в семантической структуре русской ФЕ присутствует понятийный компонент, отсутствующий во французской, – «что-либо ценное» (чего себя лишают). В отличие от нейтрального в оценочном плане французского фразеологизма русский обладает компонентами значения, выражающими негативную нормативную оценку («легкомысленно», «без пользы»), что повышает степень его экспрессивности. Сема негативной оценки обуславливается тем, что при единстве образа в сознании русских человек неоправданно бросает на ветер что-либо ценное, дорогое, в то время как в сознании французов – рас-четливо то, что ему не нужно. Подобное переосмысление образа лишней раз свидетельствует о том, что поведение, в котором выражается щедрость, иногда граничащая с расточительностью, является национальным стереотипом русского человека. Формы поведения человека, обозначаемые данными ФЕ, соответствуют разным типам – неадекватному и реактивному.

ФЕ «свалиться с луны» (*не понимать или не знать того, что очевидно, что понятно или известно всем*) и «*tomber de la lune*» (*сильно удивляться, изумляться*) благодаря общности образа объединяются элементом смысла, выражающим необычность поведения человека, отличающегося от поведения окружающих. Тем не менее, в целом они обозначают совершенно разные типы поведения (неадекватное и реактивное), что объясняется неодинаковым в силу национальных особенностей менталитета переосмыслением ССС, заключающего в себе образ человека, упавшего с луны и оказавшегося в совершенно иной (земной) среде. Различие в типе поведения является причиной различия в их оценочных значениях: в семантической структуре русской ФЕ, в отличие от французской, присутствует компонент, указывающий на негативную нормативную оценку (не понимает того, что все понимают).

Фразеологические обороты «*бросать в лицо*» *что кому (открыто и прямо говорить что-либо кому-нибудь)* и «*jeter qqch à la face*» *de qqn (открыто говорить что-либо неприятное кому-нибудь, проявляя свое презрение)* обладают общими понятийными семами («говорить что-либо», «открыто» и «адресат слов»). Тем не менее, русское и французское ССС переосмыслены по-разному: русское на основе представления о возможности бросить что-либо кому-нибудь в лицо совершенно открыто и безбоязненно, французское

– на основе представления о возможности бросить что-либо кому-нибудь в лицо с целью унижить, оскорбить, выражая при этом свое презрение. Различие в характере вторичной номинации привело к различию между значениями фразеологизмов. Так, по сравнению с французской единицей план содержания русской предполагает поведение человека, который говорит своему собеседнику не только неприятные, но и приятные слова, что обуславливает различие частнооценочных значений: русская ФЕ (поведение нравственное) маркируется позитивной этической оценкой, а французская (поведение вызывающее) – негативной эмотивной. Подобное переосмысление образно-ассоциативной основы, следствием которого является обобщенность значения русского фразеологизма (по сравнению с французским), подчеркивает стереотип поведения, в котором выражается открытость как одна из жизненных ценностей носителя русской культуры.

ФЕ «*впитывать как губка*» (*усваивать, запоминать что-либо*) и «*boire comme une éponge*» (*много пить, напиваться*) возникли на основе образа хорошо известной носителям обеих культур губки – мягкого изделия из многоклеточного неподвижного морского животного, резины или других материалов, которое хорошо впитывает влагу. Единство образа обеспечивает наличие у фразеологизмов общей понятийной семы – «поглощение» (информации или жидкости). Различие значений фразеологизмов объясняется неодинаковой степенью переосмысления данного образа. Французская ФЕ образовалась в результате первого этапа вторичной номинации – метафорического переноса свойства губки поглощать большое количество какой-либо жидкости на человека, «поглощающего» большое количество спиртных напитков. Русская ФЕ сформировалась на втором этапе вторичной номинации – представлении о человеке, который может «поглощать» (подобно губке) не только много жидкости, но и много различной информации. Сложность механизма переосмысления ассоциативно-образной основы русской ФЕ обуславливает более высокую степень абстракции ее содержания (по сравнению с содержанием французской ФЕ). Значения данных фразеологизмов, как видно, номинируют формы поведения, соответствующие разным типам (реактивному и аморальному) и, следовательно, содержат разные аксиологические компоненты (позитивная интеллектуальная и негативная нормативная оценка).

Сопоставительный анализ русских и французских ФЕ первой группы подтверждает, что различие в переосмыслении их носителями одного и того же действия обуславливается прежде всего национальной спецификой образа мышления. Так, в результате сопоставления их значений выявляется, что эмоционально-экспрессивный компонент присутствует только в семантической структуре французских ФЕ («*tomber de la lune*», «*jeter à la face*»). Это позволяет говорить о том, что в целом носители французской культуры чаще выражают эмоции в своем поведении. Функция эмоций, согласно результатам эксперимента профессора Т. Цунода [1], соответствует гласным звукам, которых во французском языке больше, чем в русском. Следовательно, гипотетически носитель французской культуры в своем поведении должен проявлять эмоциональность в большей степени несмотря на то, что функция эмоций локализована в неречевом полушарии у представителей обоих социумов. Наблюдаемая нами зависимость степени реализации эмоциональной функции в головном мозгу представителей русской и французской культуры от количества гласных в системе их языка подтверждает мысль Т. Цунода о влиянии фонетико-фонологической системы на особенности национального менталитета и поведения, фиксирующиеся в языковой картине мира, и отражает взаимодействие речевого и неречевого полушарий [1]. Сопоставительный анализ плана содержания подобных фразеологизмов помогает также выявить или подтвердить уже выявленные национальные стереотипы поведения их носителей.

У фразеологизмов второй группы различие первоначальных денотатов выражается в том, что в русском и французском производящих ССС присутствуют полисемичные компоненты (принадлежащие к знаменательной или служебной части речи), имеющие в системе обоих языков одно или несколько общих значений, или лексико-семантических вариантов (ЛСВ), но реализующиеся в их составе в несовпадающих ЛСВ. Степень различия образных составляющих подобных русских и французских ФЕ больше, если полисемичный компонент относится к знаменательной части речи, меньше, если относится к служебной. Именно нетождество первоначальных денотатов, а не различие в характере вторичной номинации обуславливает несовпадение значений ФЕ второй группы.

Об идентичности плана выражения рассматриваемых ФЕ можно говорить лишь с определенной долей условности. Неверное отождествление (в

силу интерференции) кажущихся одинаковыми образных составляющих становится причиной ошибочности их эквивалентного дословного перевода с одного языка на другой.

Фразеологические обороты *«идти в гору»* (*приобретать вес, значение; повышаться по службе*) и *«aller à la montagne»* (досл. *«идти к горе»* – *начинать действовать, брать на себя инициативу, не дожидаясь благоприятного случая*) обладают нетождественными первоначальными денотатами в результате несовпадения в их составе значений полисемичных предлогов «в» и «à». В русской ФЕ предлог указывает на направление движения, цель которого – достичь какого-либо места (вершины горы), во французской – на направление движения, целью которого является лишь приближение к какому-либо месту (к подножию горы). Значение русского фразеологизма формируется на основе представления о нелегком, но достойном уважения подъеме на вершину горы, в то время как значение французского на основе мысли о том, что человек должен приблизиться к горе, т.к. она не может приблизиться к нему сама. Подобно фразеологизмам первой группы, данные единицы также обладают общими компонентами в семантической структуре (понятийным – «действовать целеустремленно» и аксиологическим, заключающим позитивную нормативную оценку).

Образные составляющие ФЕ *«держать нос по ветру»* (*применяться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения, свое поведение*) и *«porter le nez au vent»* (досл. *«поднимать нос к ветру»* – *ходить с гордым видом, важничать*) различаются вследствие несовпадения в исходных ССС значений полисемичных компонентов «держать» и «porter», «по» и «à». В русской ФЕ глагол «держать» реализуется в значении «придав чему-либо какое-нибудь положение, сохранять в таком положении», а предлог «по» – в значении «в направлении чего-либо». Во французской ФЕ глагол «porter» означает «подносить, поднимать», а предлог «à» указывает на приближение к чему-либо. Семантика русского фразеологизма мотивируется представлением о том, что по ветру легче перемещаться, чем против него, и поэтому необходимо менять положение тела и его частей в зависимости от изменения его направления. В первоначальном денотате актуализируется такая часть тела, как нос, способная воспринимать и различать запахи, переносимые ветром. Значение французской ФЕ обуславливается изначальным представлением о лошади, поднимающей голову (нос) к ветру. Впоследствии оно распростра-

нилось на людей, горделиво поднимающих голову (нос), чтобы подчеркнуть свою важность. В семантической структуре обеих ФЕ присутствует аксиологический компонент, эксплицирующий негативную этическую оценку.

ФЕ «наломать дров» (*совершить ряд неудачных, неправильных действий; выполняя что-либо, наделать глупостей, допустить грубые ошибки*) и «*casser du bois*» (досл. «разбить древесину» – *совершить грубую посадку самолета, повредив его при этом*) этимологически восходят к производящим ССС, состоящих из полисемичных слов, которые реализуются в несовпадающих ЛСВ. Во французском фразеологизме глагол «*casser*» реализуется в значении «разбить», а не «наломать», существительное «*bois*» – в значении «древесина, лесоматериалы», а не «дрова». Русское выражение первоначально имело конкретный смысл. В южных селениях России вместо дров часто используют хворост (называемый дровами), который не рубят, а ломают, обычно на колене. Куча ломаного хвороста выглядит не столь аккуратно, как поленница сложенных дров [6, с. 211]. Представление о небрежности в выполнении работы легло в основу образа русской ФЕ, мотивирующего ее актуальное значение.

Первоначальный денотат французской единицы восходит к той отдаленной эпохе, когда в качестве одного из транспортных средств во Франции использовались деревянные самолеты [7]. Он заключает в себе мысль о пилоте, разбившем подобный самолет в результате грубой посадки, что обуславливает план содержания фразеологизма. Как видно, образные составляющие данных фразеологических оборотов несут культурно значимую информацию (использование дров как топлива в России и использование в прошлом деревянных самолетов во Франции), а их семантическая структура обладает общими компонентами: понятийным («допустить оплошность») и аксиологическим (негативная деонтическая оценка).

ФЕ «подавать голос» (*говорить что-либо или высказывать свое мнение*) и «*donner de la voix*» (досл. «подавать лай» – *кричать, шуметь*) образованы на основе переосмысления ССС, полисемичные именные компоненты которых употребляются в разных ЛСВ: французское «*la voix*» означает лай собаки, а не голос человека. Образная составляющая русского фразеологизма очень прозрачна и не требует этимологического комментария.

Первоначальный денотат французского фразеологического оборота запечатлевает псовую охоту, во время которой собаки громко лают («подают

лай») на дичь. С течением времени исходное выражение получило пересмысление на метафорической основе и приобрело переносное значение, благодаря которому ФЕ употребляется, когда идет речь о поведении человека, создающего (подобно лающей собаке) много шума своим криком. Присутствие в составе фразеологизмов общих («подавать» и «donner») и семантически связанных компонентов («голос» и «лай») обуславливает наличие в их содержании общего понятийного компонента – «издавать звук».

Итак, анализ русских и французских ФЕ с идентичным планом выражения и различным планом содержания дает основание констатировать, что одни из них обладают одинаковыми первоначальными денотатами, другие – неодинаковыми. Фразеологизмы первой группы восходят, как правило, к универсальным сущностям, несовпадение их значений обуславливается различием в механизме вторичной номинации, причиной которого является национальная специфика менталитета или поведения носителей русской и французской культуры.

Различие кажущихся одинаковыми первоначальных денотатов русских и французских ФЕ второй группы объясняется тем, что исходные ССС содержат полисемичные компоненты, реализующиеся в их составе в несовпадающих ЛСВ. Несходство значений таких ФЕ является результатом различия их образных составляющих, а не различия в характере вторичной номинации. Русские и французские фразеологические обороты обеих групп следует отнести к единицам, возникшим на национальной основе.

Некоторые фразеологизмы с идентичным планом выражения и различным планом содержания несут культурно значимую информацию. Благодаря идентичности или соответствию первоначальных денотатов в их семантической структуре присутствуют общие компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брабин Г.* Родной язык и мозг. Интересное открытие японского экспериментатора. Курьер ЮНЕСКО. 1982. Март.
2. *Гак В.Г.* Сопоставительная прагматика // Филологические науки. 1992. № 3.
3. *Голубева А.Ю., Кравцов С.М.* Субстантивация на основе глагольных словоформ как узуальный вид конверсии (на материале русского и французского языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5.

4. *Гуторова Н.С., Кравцов С.М.* Заимствования в контексте идей лингвистической экологии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 5.
5. *Кравцов С.М., Максимец С.В.* Когнитивная ценность фразеологизмов в контексте теоретических основ их исследования (на материале русского и французского языков) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 3.
6. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 2001.
7. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey et S. Chantreau. Ed. Les Usuels du Robert Poche, Paris, 1997.

REFERENCES

1. *Brabin G.* Native language and brain. Interesting discovery of the Japanese experimenter. Courier of UNESCO. 1982. March.
2. *Gak V. G.* Comparative pragmatics // Philological sciences. 1992. No. 3.
3. *Golubev A., Kravtsov S.* Substantivation on the basis of usual verbal word forms a kind of conversion (based on Russian and French) // The Humanities and social sciences. 2015. No5.
4. *Gutorova N., Kravtsov S.* Borrowing ideas in the context of linguistic ecology // The Humanities and socio-economic sciences. 2014. No 5.
5. *Kravtsov S., Maksimets S.* Cognitive value of phraseology in the context of the theoretical foundations of studies (in Russian and French) // The Humanities and socio-economic sciences. 2013. No 3.
6. *Melerovich A., Mokiyenko V.* Phraseological units in the Russian speech. Dictionary. M, 2001.
7. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey et S. Chantreau. Ed. Les Usuels du Robert Poche, Paris, 1997.

9 декабря 2016 г.